

Владимир ВЛАДЫКИН

Б 83
В-57
1404821

ПУЩЕННЫЕ ПО МИРУ

ВЛАДИМИР ВЛАДЫКИН

Книга первая

ПУЩЕННЫЕ ПО МИРУ

роман

(хроника народной жизни)

БРЯНСК

2008 г.

**ББК 84 (Рос = Рус) 6
В 57**

**Владыкин В. А.
В 57 Пущенные по миру: Роман, 2008 г. - 370 с.**

ББК 84 (Рос = Рус) 6

Все права защищены.

Воспроизведение, репродуцирование, искажения текста и другие действия преследуются законом об авторских правах.

Роман В.А. Владыкина «Пущенные по миру» повествует о нелегкой жизни крестьян в 20-30-е годы прошлого века, о трагических последствиях коллективизации, нанесшей невосполнимый урон крестьянству, от которого оно не может оправиться до сих пор.

Автор хорошо знает село, его обычаи и традиции и рукой мастера рисует характеры, достоверно изображает русский быт того времени.

Надо особо подчеркнуть: Владыкин вырос на донской земле в посёлке Киров, который в начале 30-х годов XX века основали переселенцы из центральных областей России. Среди этих людей и происходило становление автора как будущего писателя. Его роман густо населен героями, которые выписаны с документальной точностью во всей их сложности и противоречивости.

«Пущенные по миру» - произведение, написанное ярким, самобытным языком. Этой книгой, основанной на реальных событиях, автор открывает цикл романов о деревне. Все образы не выдуманы, а взяты из гущи народной жизни.

Представляемый на суд читателей роман «Пущенные по миру» рисует правдивую картину тех суровых лет, когда беспощадно ломались тысячелетние устои русской деревни. Автор создал исторический эпос о жизни народа, который может стать еще одной яркой страницей в истории русской литературы.

ISBN 5-900685-21-7

В.А. Владыкин.

Пущенные по миру. Роман.

Отпечатано в типографии ООО «Брянское СПР «ВОГ»
241011, Россия, г. Брянск, ул. Красноармейская, 15,
телефакс (4832) 64-91-61

О РОМАНЕ В. А. ВЛАДЫКИНА «ПУЩЕННЫЕ ПО МИРУ»

Владимир Владыкин написал очень нужный на сегодняшний день роман, хотя действие его развивается в 30-е годы прошлого века. Нужный как познавательный. Он адресован прежде всего тем людям, которых живо интересует история своей страны и которые хотят понять причины перестройки общественного строя в СССР и России. Причин было множество, речь не о них. Автор романа рассказывает об истоках наших бед, когда партийные функционеры-большевики были озабочены не улучшением жизни народа, не подъемом экономики, а поиском врагов народа. В немалой степени это коснулось крестьян. Сразу после революции им дали землю. Вроде бы осуществилась их вековая мечта — теперь трудись на себя, плати государству налоги и живи припеваючи.

Но большевикам такое положение дел оказалось не по нутру. «Индивидуализму — нет!» И Сталин задумал коллективизацию как «процесс добровольного объединения мелких единоличных крестьянских хозяйств в крупные кооперативные социалистические хозяйства». Такова была «программная установка аграрной политики компартии в социалистическом преобразовании советской деревни», которое привело к тому, что русская деревня оказалась за чертой поступательного развития и нынче стоит на грани вымирания. Школьникам и студентам вдалбливали в сознание, что с 1929 года началось массовое добровольное вступление крестьян в колхозы, что к 1936 году полностью сложился колхозный строй, что сформировался новый класс — колхозное крестьянство. Коллективизация, утверждали тогдашние учебники, проходила в острой классовой борьбе основной массы крестьян с кулачеством...

Обо всем этом — роман Владимира Владыкина, но с точностью до наоборот. Автор пишет о том, что крестьян сгоняли в колхозы по принуждению, отбирали землю и скот, а тех, кто не хотел вступать в колхоз, облагали непосильными налогами, объявляли врагами народа и все движимое и недвижимое имущество конфисковывали в пользу советов, а хозяев ссылали на Соловки...

Роман «Пущенные по миру» отвечает всем основным требованиям литературоведения. Он отражает сложный жизненный процесс. В нем много действующих лиц, судьбы и интересы которых сталкиваются и переплетаются. Характеры людей освещаются в разных проявлениях их жизни.

Чтобы почувствовать вкус романа, приведу небольшой отрывок из беседы секретаря райкома с сотрудником госбезопасности, которого он направил в колхоз шпионить за людьми и набирать на них компромат.

«Значит, меня ругали на чем свет стоит, что я им не создал райских условий проживания? Вот чего захотели, дармоеды! А кто их спас от голода? Неблагодарные! Ленин народ избаловал своими посулами справедливой жизни. А её народу сразу давать нельзя. Ибо совсем перестанут власть уважать. То сейчас они от нас без конца что-то ждуют, на что-то надеются, а когда наступит изобилие, что тогда от нас останется? Да то самое — народ от нас отречется. Вот поэтому надлежит держать его в черном теле, рано еще отказываться от крутых мер...»

Роман В. Владыкина — живой и яркий отклик на события времен коллективизации и раскулачивания. Автор смело вводит в свое произведение животрепещущие темы любви и ненависти, выразительные образы разных партийных и советских руководителей, активистов колхозного движения и его противников. Язык и стиль романа на уровне требований художественной литературы, благодаря чему роман легко читается, уводит читателя в те далекие годы и события, негативные отголоски которых мы переживаем до сих пор. В этом большая познавательная роль романа «Пущенные по миру», он должен увидеть свет. Его должны прочесть учителя и школьники, руководители и воспитатели...

Заслуженный работник культуры РФ Н.А. ДЕНИСОВА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Дома

Светлой памяти дедушки Петра Тимофеевича и
бабушки Марии Власовны

ГЛАВА 1

Старый южный город Новочеркасск почти в любую погоду хорошо виден издалека, особенно когда подъезжаешь к нему на поезде с северной стороны. Со дня основания он стоит на огромном высоком холме, прозванном издавна в народе Бирючьим Кутом; его омывают две реки: на юге-востоке Аксай, на севере Тузлов. И как раз от подножия города, где эта река, словно в гордом порыве, стальной дугой сворачивает в безбрежную даль займища, в этом самом месте на трёх бетонных опорах через реку переброшен железнодорожный мост, по которому днём и ночью громяхают пассажирские поезда и товарные составы. Сразу за обоими неширокими притоками Дона в необъятную даль разбегается займище и уходит за дымчатый горизонт и сливается с сизым небом.

Еще в незапамятные времена через Тузлов навели деревянный мост, минуя который дорога, мощённая булыжником, поднималась в гору к Триумфальным воротам, возведённым еще в 1817 году в честь победы над Наполеоном и приезда императора Александра первого. И вот уже не один десяток лет этот мост, который не раз перестраивался, связывал старый город с новостройками, развернувшимися на просторном займище, где в 1932 году началось строительство паровозостроительного завода. Современные микрорайоны Соцгород и Октябрьский в те годы только начинали свое летоисчисление с земляночных поселений, и только после Великой Отечественной войны с 1945 года одновременно с другими заводами и предприятиями там вставляли жилые кварталы как из частных домов, так и многоэтажек. Второй (большей частью сельский) намеревался шагнуть чуть ли не под самую станицу Персиановскую. Впоследствии молодой промышленный район все больше разрастался, продолжая занимать свободные земли...

Но вернёмся к 1934 году, когда насильственная коллективизация деревни была почти завершена, а в городе было прочно взят курс на индустриализацию, о нэпе в старом казачьем городе уже мало что напоминало. К тому же вскоре по стране смерчем пронёсся голод, унесший за два года миллионы людей. Но о том, что в этом была повинна недальновидная политика большевиков, вслух остерегались высказываться. Однако и без слов было ясно, что некогда оживленные рынки — Азовский и Сенной — почти пустовали, на продукты обменивались дорогие вещи. А в булочных если хлеб и появлялся, то не всегда был в свободной продаже, так как им приторговывали из-под полы по спекулятивным ценам. И несмотря на перебои с продовольствием, которого катастрофически не хватало, жизнь ни на минуту не замирала, люди во что бы то ни стало стремились выжить, одолеть нужду...

В старой части города сносились отжившие свой век полуподвальные и кособокие казачьи курени, а на их месте вырастали многоэтажные дома, при которых открывались продовольственные и промышленные магазины. По булыжным мостовым центральных улиц то шли пешком, то ехали на бричках, запряженных лошадьми, или на первых отечественных грузовиках горожане и приезжие. Коренное население, в основном состоявшее из казачества,

с горечью вспоминало годы нэпа, остатки которого еще можно было встретить: частный ларек, торговавший вином и папиросами, а то и частную сапожную мастерскую как знак проявления либерализма местными властями. Впрочем, со временем к рукам прибрали и эти точки, которые преобразовали в государственные...

* * *

В северо-западной части города Новочеркаска, на перекрёстке двух покатых улиц, на высоком фундаменте из красно-бурого кирпича стоял большой двухэтажный дом. На первом этаже располагалось правление колхоза «Новая жизнь», который три года назад организовал сельский райком партии, относившийся в те времена к городу. Правление занимало всего две комнаты, а в остальных шести жили семьи вербованных из других областей. Второй этаж был уже полностью заселен новоприезжими. Последнюю квартиру недавно заняла многодетная семья Зябликовых, прибывшая из Калужской области.

Фёдор Савельевич, почти сорокалетний мужик среднего роста, коренастый и светлорусый, солнечным мартовским днем попутным грузовиком привёз с вокзала на новое место жительства свою семидесятилетнюю больную мать Ефросинью, тридцатитрехлетнюю жену Екатерину и своих четверых детей. Первенцем была единственная дочь Нина, которой шел десятый год. Из троих её братьев старший — семилетний Денис, младшие Боря и Витя были погодками; в начале зимы меньшему сыну пошел шестой годочек.

В этот же день, по приезде, когда доставили остаток своего небогатого скарба и внесли в квартиру на второй этаж, Фёдор Савельевич почти с ходу, даже не став перекуривать, собрался идти в правление колхоза. Однако Екатерина, глядя на мужа измученными, усталыми глазами, таившими тревогу, мягко его остановила:

— Федя, а может, пока обустроимся, и тогда сходишь?

— Катя, а что мы будем есть? У нас-то с дороги осталось почти ничего. Нет, ты уж меня не неволь, схожу разузнаю, где получать нам обещанные продукты и что предстоит дальше делать? Ты бы лучше позвала себе в помощь мать...

На реплику мужа Екатерина лишь в согласие слабо кивнула и отвернулась с отсутствующим взглядом; она понимала, что сейчас перечить ему было бесполезно, но в глазах все-таки выражалась её всегдашняя обида на то, что Фёдор часто поступал ей наперекор. И от сознания, что он далеко не всегда прислушивался к её мнению, как-то нехотя подошла к багажу и не спеша принялась за разборку узлов с вещами. По мере того как она этим занималась, к ней пришло понимание: зачем обижаться на него, муж рассудил вполне здраво, ведь действительно у них совсем мало осталось привезенных с собой продуктов, которые перед отъездом им понемногу принесли родственники и соседи... А какой помощник из больного, старого человека, она уж как-нибудь сама справится, без свекрови...

* * *

...Из правления колхоза Фёдор вышел на просторный двор, который золотистым дымчатым светом заливало яркое ранневесеннее солнце. Под самым дощатым забором размещались хозяйственные надворные постройки: конюшня, два коровника, для чего даже была отвоєвана и отгорожена часть улицы, в основном, правда, под хранение кормов: как раз на том месте возвышались стожки сена и соломы. Посреди двора стояла бричка с высокими бортами, выпряженная из нее пара гнедых лошадей выщипывала накиданное для нее душистое сенцо. И по всему двору, вперемешку с конским потом и навозом, пахло санным духом, а от лошадиной упряжи исходил крепкий аромат сыромятной кожи. Эти знакомые до боли запахи напоминали оставленный родной дом и оттого невольно заставили тоскливо сжаться сердце Фёдора. Он задумчиво вздохнул и затем чуть обернулся назад, увидел свою мать, сидевшую на лавочке около дома; вот так, бывало, на родине она сидела перед избой, смотрела на сельскую вечерявшую улицу и наблюдала за играющими тут же внуками.

Ефросинья блеклыми подслеповатыми глазами, в которых с недавнего времени появилась какая-то застывшая пугающая пустота, совершенно не шевелилась и, не замечая присутствия сына, смотрела куда-то вглубь двора. Правда, когда её уже подслеповатый взгляд ловил хрупающих сеном лошадей, позванивающих блестящими удилами, в ее мутно-серых глазах вспыхивал слабый огонек жизни. От щедрого солнечного света и тепла Ефросинья немного разомлела; сейчас ей было как никогда хорошо, а все-таки по-прежнему из души не уходило унылое, безрадостное настроение, порожденное этим переездом из родного края лесов и лугов в такую необъятную степную даль...

На мать Фёдор смотрел всего минуты две; ее донельзя жалкий вид вызывал у него вполне понятное сочувствие. Однако сейчас этим он не хотел беречь свою душу и, вздохнув, бодро подумал, что скоро должна здесь матушка привыкнуть и среди приезжего, как и они, люда их жизнь пойдёт хоть и не совсем привычным чередом, но зато они не пропадут от голода...

Но разве мог он знать, что и жена Екатерина в чужих стенах тоже стала испытывать непреходящее чувство уныния и тоски. Ещё не успел Фёдор скрыться за дверью, как она почувствовала жуткое одиночество, она уже не могла стоять и, будто от старческой немочи, опустилась на голую сетку кровати, глаза чувствительно повлажнели. Ей казалось, что точно такие же чувства посещают в тюремной камере заключенного. Подумав невольно об этом, она вдруг вспомнила брата Егора: ни родные, ни деревенские не знали, куда его увезли, и где он теперь — попробуй догадайся. Письма от него не приходили, неужели он там, в глухой стороне, безвестно канул, и от сознания этого на душе вновь, как и тогда, на родине, становилось тяжело, а тут им самим пришлось уехать. Вот и выходило, что для них для всех наступило страшное время, жизнь беспощадно раскидала их по свету! Но зачем так убиваться, ведь от сознания безысходности можно и рассудка лишиться.

Прочь, прочь надо гнать эти мрачные мысли! Они уже серьёзно подорвали её и без того уходящие силы, а ведь необходимо налаживать их новое житье-бытьё. Она сидела на совершенно голой сетке железной кровати, а дети, несмотря ни на что, довольно шумно носились в другой комнате. Их неустанное веселье её радовало и невольно возвращало силы...

Наконец, преодолевая нежданно нахлынувшую тоску, Екатерина встала, суетливо начала водить карими глазами по всему багажу: с какого же узла или сундука приступить к разбору вещей? А в голове между тем от постоянного недоедания стояло легкое кружение, и в ушах кровь звенела медными колокольчиками. И впрямь со скарбом, привезенным с собой, — все что оставалось от их прежней обстановки, — по сути, нечего делать и одной. И невольно вспомнила, как нелегко расставалась с комодом, гардеробом, деревянными кроватями, венскими стульями и круглым столом, с утратой которых до сих пор не могла смириться вовсе не от жадности. Ведь многие предметы как-никак еще хранили память об отце и матери. Ох как тогда не хотела продавать родное имущество, как уговаривала мужа увезти все с собой, но он ни в какую — разошелся, растопался ногами, так что даже слушать её не стал. А когда муж приходил в раздражение, то лучше ему не перечить, и спокойно, благоразумно уступила, подчинилась Фёдору, понимая, что за багаж предстояло бы заплатить немалые деньги, тогда как они и без того берегли каждую копейку.

И ничего не оставалось, как зажать с душевным стоном рот и мысленно распрощаться с родной мебелью. Мужики выносили её из избы и грузили на свою телегу, чтобы потом новый хозяин увез на свое подворье. А Екатерине почему-то казалось, что мебель молчаливо обижалась на своих прежних хозяев: дескать, не посчитались с ней, сколько лет служила верой и правдой, и вот продали в чужое пользование. От этих мыслей внутри все обомлело, на душе сделалось неутешно горько, навернулись непрошенные слезы. Однако старалась никому не подать вида, что ей стало жалко свою мебель, будто живое существо...

И все дорожные переживания уже остались позади, лишь внесенные два сундука с вещами и утварью да узлы с постелями составляли все их теперешнее имущество. Сначала

Екатерина открыла большой сундук с металлической оковкой по углам, выпрямилась, берясь рукой за лоб, и стала раздумывать: с чего же начать разбор вещей? Ведь надо скорее обжить эти пустые комнаты: занавесочки повесить на окна, железные кровати застелить перинами, полы устлать рукодельными дорожками, вот и создастся кое-какой уют. А то от одних голых комнат жуть брала; причем всюду пахло пылью, из углов тянуло прохладной сыростью.

Только детям все было нипочем, забегали взад-вперед из комнаты в комнату. Большой Дениска забрался на голую сетку кровати и давай сигать, звонко смеясь, подлетая вверх: «Мы здесь будем зыть, мы здесь будем зыть! И-и их!»

И Нина, будто никогда не видевшая белых оштукатуренных стен, глядела на них и в радостном восхищении бралась ладошками за щеки и потому не замечала материной печали. Меньшие, Боря и Витя, носились друг за другом. И вот стоило только Екатерине отвлечься от своих дум озорством детей, как тотчас же душевно расслабилась и тут же тоска отлегла, отпустила. Она воспрянула духом и торопливо, словно куда-то спешила, принялась разбирать сундук. Нине поручила развязывать узлы с постелями, и дочь охотно взялась помогать матери.

Тем временем со двора приплелась, слегка пошатываясь, Ефросинья и слабо покачивала головой, туго повязанной теплым платком, в изрядно потертом старом зипуне, хотя на улице уже всю было тепло.

Екатерина давно сняла пальто с цигейковым воротником и была в одной фланелевой кофточке. И все дети тоже скинули пальтишки и налегке с шумом носились по квартире.

— Ну, Катерина, приехали, значитца, к казачурам, — упавшим голосом обронила свекровь, опираясь задом на сундук и усаживаясь на нем удобней. — И увсе тут-ка будем жить? — скептическим тоном прибавила она и в глубокой задумчивости закивала головой, как будто всё ещё не верила свершившемуся факту.

— Да, мама, а где же еще? — подтвердила с мягким удивлением невестка, продолжая выкладывать вещи из первого сундука,

— А где же Федюня? Чи уже куда-то убёг, шалопутный?

— Да в правление пошёл, матушка, — ответила та.

— Не сядится, — она сердито махнула рукой, прижала к губам сморщенный кулак, тяжело задумалась, как будто впав в забытие.

А дети все продолжали свою беспечную, радостную беготню с неумолчным криком и гамом.

— Тише, шалопутные, и чего же вы так разбегались?! — в досаде произнесла Ефросинья, обращая подслеповатый взор на внуков.

— И правда, хватит пыль поднимать, а ну-ка быстро за работу! — приказала не столь твёрдо Екатерина.

Между тем Дениска, спрыгнув с кровати, ухватился обеими руками за швейную машинку, однако поднять ее с пола ему никак не удавалось. Тогда он собрался протаскать ее от самого прохода волоком.

— Господи, Дениска, надорвешься! Лучше помоги Нине выложить из узла вещи на кровать, — сказала мать, а сама с пола подняла машинку и поставила на закрытый сундук. Эта машинка напоминала ей брата Егора. Настя, его жена, отдала её Екатерине после ареста мужа, а вторую не успела спрятать. Антип Бедин забрал вечером того же дня, почему-то по свету прийти не посмел... Однако вспоминать о пережитом было неприятно, потому что даже при взгляде на машинку становилось как-то не по себе — казалось, будто в своей металлической плоти она всё ещё хранила некую опасность, и вдобавок ей так и думалось, что от неё исходил неукротимый и деятельный дух брата...

Ефросинье, видно, надоело сидеть без дела, она уже тоже помаленьку возилась с вещами. А Екатерина живо принялась за разборку их добра из второго сундука, лишь бы отвлечься от назойливых горьких чувств, связанных с арестом брата. И только теперь она запоздало пожалела, что приняла от невестки эту машинку, и в то же время после без неё

было довольно трудно обойтись. И как ни хотела вспоминать брата, пока возилась в сундуках, память настойчиво воскрешала одну картинку за другой из пережитого, былого...

ГЛАВА 2

Из сумрачных детских лет в сознание Екатерины особенно ярко врезалась вот такая горестная картина: морозное зимнее утро, деревенская тишина, из печных труб изб над крышами столбами валили пахучие дымы сгораемой в печи древесины; везде по улицам снега лежало — целые сугробы. И вот из их избы вдруг вырвался протяжный материн стон и вопль. Согнутая пополам, раньше времени состарившаяся от непосильной работы, она вышла, качаясь словно пьяная, упала на колени посреди двора на утопанный снег. И натруженными руками хваталась то за раскрытую, без платка, голову, то за подол тёмной юбки, чем выражала беспредельное отчаяние и горе, свалившееся на неё прошедшей ночью, когда в бане в пьяном виде угорел отец, спавший там частенько...

С улицы на крик матери, тяжело дыша парующими ртами, сбегались люди.

В тот год Кате исполнилось шесть лет, и, напроць перепуганная нелепой смертью отца, она побоялась выйти из избы, лишь выглядывала в полузамёрзшее окно на двор, где её братья — старший Егор и младший Епифан — с насупленными, угрюмыми лицами неловко топтались возле матери, а старшая сестра Нюта (но моложе братьев) пыталась успокоить её. Однако мать отталкивала дочь, словно та мешала ей исполнить какой-то языческий обряд по заклинанию злых духов, наславших на семью беду.

Катя хорошо помнила, когда братья окончили церковноприходскую школу, отец, Влас Епифанович Мартунин, послал сыновей в город в рабочие мастерские постигать слесарное ремесло. И они тоже что-то зарабатывали, и семье стало легче переносить нужду. Последние два года тятка регулярно уходил в город по найму, поскольку нищета уже совсем брала за горло.

Наступило тревожное и смутное время, в городах — стачки, забастовки. Отец говорил об этом с матерью почему-то шепотом, а Катя ловила его слова и детским чутьем понимала: отцу очень страшно оттого, что нет работы и наступают повсеместно голодные времена. А мать неутешно мотала головой, ведь иные вечера проходили у них совсем без ужина. И Катя, хлебнув вдосталь лиха, видела, насколько тяжело приходилось родителям в добывании куска хлеба, и сама делая по дому любую работу, терпеливо ожидала лучших времен...

После трагической смерти отца прошло три года, Егор и Епифан заметно повзрослели, посерьёзтели и семейные тяготы полностью взвалили на себя, сестра Нюта к семнадцати годам была уже замужем и жила в соседнем селе Лисёнки. Мать Мария Григорьевна продолжала батрачить у зажиточного мужика Горчихина, а Катя училась в школе соседнего села, поскольку отец хотел, чтобы и она тоже, как сестра и братья, выучилась грамоте. Там при школе она и жила, на первых порах сильно скучала по матери, сестре, братьям, вспоминала умершего отца и тужила о нём. Порой ей почему-то представлялось, что он уехал в дальние края, где живут хорошие люди, ничем не похожие на них. Бывало, Катя даже выходила на дорогу и упорно ждала, ждала, когда же отец появится из-за края земли? А потом она уставала жить в обманчивом ожидании и постепенно забывала о том времени, когда он был живым и заботился о семье, и отчего-то даже казалось, будто отец уже никогда не жил с ними...

Из школы домой на выходные и праздники привозили её по очереди то мать, то братья. Егор любил меньшую сестру, почти всякий раз давал ей вместо конфетки запыленный кусочек сахара. По дороге домой Катя больше молчала, а когда с матерью шла в родное село, то мать её мало расспрашивала, боясь, что дочь начнёт жаловаться на свою довольно скудную школьную жизнь. Впрочем, оно и так было видно. Поглядывая на худенькое тельце дочери, Мария Григорьевна с затаённой болью вздыхала. И как она только могла вбирать в себя ученье, ведь от рождения была хилая и её слабое здоровье всегда вызывало тревогу.

Однако, несмотря на все житейские невзгоды, Катя росла вполне терпеливая и выдержанная, стойко сносила голод и холод. В полной нужде кое-как доучилась в начальных классах, а потом стала на пару с матерью работать в поле на кулака (так тогда называли нарождавшихся сельских богачей).

И все-таки Мария Григорьевна не хотела, чтобы дочь вместе с ней батрачила. У матери была родная сестра, жившая в Москве. Однажды к ней и свезла на постой Катю, чтобы та помогла приискать племяннице приличное место горничной. В своё время она это же советовала старшей Нюте, но та, отучившись в школе, бегала на молодёжные посиделки и не хотела отрываться от своего суженого, который приходил в их село из Лисёнок. А вот Катя согласилась и вскоре была определена в богатую купеческую семью. Это суровое время как раз совпало с началом войны с германцем. Однажды Катя поехала навеститься к родным в село, а там шла мобилизация на войну мужиков и парней. Почти в каждом дворе раздавались вопли баб — уходили на фронт и братья Екатерины. Она уже было решила остаться с матерью, но Мария Григорьевна, взволнованная отказом дочери ехать в город, отговорила её: она как-нибудь сама проживет, а ей, молодой, из-за неё нечего терять хорошее место.

У купца ей и впрямь очень нравилось. Еще бы: она выучивалась хорошим, культурным манерам, приобщалась к затейливому сервированию стола, что было издавна заведено в семье купца. И сам хозяин с довольно пышной бородой, весьма добродушный на вид человек, относился к девушке покровительственно, как отец. Он подарил ей несколько приличных платьев, чтобы ходила в них перед его гостями, которым была обязана прислуживать. Таким образом познавала Катя жизнь в семье купца, доселе ей незнакомую, с твердо установленными порядками, где каждый день готовились разные кушанья, секреты которых открывались ей вновь и вновь по роду её занятий. Разумеется, для своей кухни купец обеспечивал поставку самых разнообразных продуктов, о существовании которых она раньше даже не подозревала. И это в то время, когда в селах и деревнях люди пухли от голода. За тот год, что она уже успела прослужить у купца, Катя, естественно, округлилась лицом, приобрела правильную, точеную фигуру. Короче говоря, расцвела так, что даже старый хозяин и тот невольно любовался ею то тайно, то открыто, чем сильно смущал девушку.

У него был сын-офицер, о котором все время ждал с фронта вестей, просматривал нервно, с лихорадочным блеском глаз, газеты, которые в его руках, от нетерпения найти нужную фамилию, издавали громкое шелестение. И однажды после легкого ранения в руку, к радости родителей, тот приехал домой, правда всего на несколько суток. И, шумно разговаривая со своими, часто сладострастно поглядывал на Катю. Как-то поздним вечерком он довольно вежливо пригласил её в свою комнату. Она без стеснения вошла, он стал её угощать шоколадом и расспрашивать, откуда она родом. Но его барские уловки девушку насторожили, и она, боясь его обидеть, от природы тактичная, вежливо отказывалась от угощений. Он немало удивлялся, так как видел в ней простодушную и доверчивую деревенскую девушку и хотел провести ее на своих обычных штучках барина: мол, расположит её к себе одним шоколадом. Однако просчитался — Катя показала себя вполне самостоятельно мыслящей девушкой, напрасно он недооценивал ее. Тогда решил покорить горничную более тонкими приемами, перед которыми она могла не устоять: он стал читать ей стихи, включать патефон, но всякий раз Катю неизменно выручал всевидящий хозяин, который чинно входил к сыну-соблазнителю и со снисходительной усмешкой уводил того якобы для светской беседы. Видимо, отец боялся, как бы сын всерьёз не увлёкся умной хорошенькой горничной, которая по представлениям отца, конечно, была ему совершенно не пара...

Купец был богатый, владел какими-то торговыми рядами; когда скинули царя, он почему-то чрезвычайно обрадовался этому событию. Большой купеческий дом был по-прежнему распахнут для многочисленных гостей; за столом вели разговоры о войне, как долго она ещё может длиться, и что ей немедленно надо положить конец.